Текст · 29 марта 2019, 16:51
Анна Козкина, Максим Литаврин,

«Или оставить человека, который кровью истекает, или разгонять митинг». Полицейский из Ингушетии рассказывает об увольнении коллег после столкновений с протестующими

29 марта бывший пресс-секретарь главы Ингушетии адвокат Калой Ахильгов рассказал о массовом увольнении ингушских полицейских, которые отказались выполнять приказ и участвовать в разгоне митингующих в Магасе. «Медиазона» поговорила с сотрудником батальона ППС о том, что привело к увольнению его товарищей и как они воспринимают происходящее в республике.

29 марта бывший пресс-секретарь главы Ингушетии адвокат Калой Ахильгов рассказал «МБХ медиа» о расформировании ингушского батальона патрульно-постовой службы из-за невыполнения приказа во время акции протеста в Магасе. По словам Ахильгова, уволены 19 сотрудников отдельного батальона по административной границе республики Ингушетии, которые отказались разгонять митингующих. «Жертв среди митингующих не было благодаря этому полку, который не дал большому количеству росгвардейцев пройти на территорию, где находились митингующие», — сказал адвокат.

Действующий сотрудник этого батальона, пожелавший сохранить анонимность, сообщил «Медиазоне», что уволены не 19, а 17 его коллег. Он подтвердил, что батальон фактически расформирован — часть личного состава направили на службу в Сунженский РОВД, другую — в Назрановский. По его словам, прямого приказа разогнать митингующих сотрудникам ППС не давали — но ранним утром 27 марта им поступило распоряжение не мешать силовикам, которые прибыли из других регионов, чтобы зачистить площадь от демонстрантов. Однако ингушские полицейские вмешались в ситуацию, когда приезжие силовики не справились с напором толпы. По словам собеседника «Медиазоны», его уволенные коллеги надеются, что им удастся восстановиться на службе.

Когда был отдан приказ, чтобы разогнать митингующих, как бы сделать кольцо и разогнать их, когда приезжие сотрудники правоохранительных органов начали подбегать — как видно на этих видеороликах — полетели стулья и так далее. Эти же сотрудники, которых уволили сегодня, они встали посередине этих митингующих и этих приезжих сотрудников, чтобы обошлось без кровопролития.

После чего наши же сотрудники отдельного батальона наоборот вытаскивали из этой толпы этих приезжих омоновцев, бойцов СОБРа. Они сами их вытаскивали из этой толпы, то есть они им помогали. А сейчас такая тема — [якобы] не подчинились какому-то приказу наши сотрудники.

Просто те, кто там не побывал именно в этот момент в этой панике, тот все равно не поймет. Там что было — по ходу дела все было. Или вот этих полицейских, омоновцев нужно оставить, которые там лежат, кричат: «Помогите, туда-сюда, вытащите нас из этой толпы» — или же разгонять этих митингующих. То есть с полной уверенностью могу сказать, что наши сотрудники по мере возможностей попытались сделать то, чтобы все обошлось без кровопролития.

Эти сотрудники, наши сотрудники, стояли где-то в 50 метрах, а приказ был отдан заезжим этим сотрудникам — СОБРу, омоновцам. То есть нашим было сказано, чтобы они не вмешивались. Но как начали избивать тех сотрудников, тогда уже начали наши подбегать и вытаскивать оттуда их. Их нельзя было оставить среди этой толпы — их бы просто задавили. Наоборот, наши сотрудники им помогли, вытаскивали их оттуда. И стояли посреди них и гражданских. Сейчас выходит так, что они воспрепятствовали этому разгону митинга.

Их уволили просто ни за что. Просто знаете, эти ребята буквально часа два назад вышли с этого двора, где мы работаем, и ушли — очень было обидно на них смотреть. Хотели по-хорошему, сделали так, что получилось по-другому. Они до последнего даже сами просили разойтись митингующих. По-любому сотрудник полиции должен минимизировать всю эту ситуацию по мере возможностей — чтобы без жертв обошлось, грубо говоря. И сейчас получается так, что говорят: «Не вмешивайтесь». «Хорошо, мы не вмешиваемся». Если бы, грубо говоря, там погиб бы хоть один сотрудник — к нам бы тоже

были бы вопросы: почему вы не предотвратили, почему не вмешались. То есть и с той, и с этой стороны нас оставили в безвыходном положении, просто-напросто загнали в угол. И уволили.

В нашем батальоне по штату 375 человек. Это огромная потеря для нас, страшная потеря. Наш батальон сегодня же расформировали. Половину отдали под руководство Сунженского РОВД, а половину — в Назрановское РОВД. Их распоряжение. И этому батальону в мае должно было исполниться 26 лет.

Приказ об их увольнении был отдан свыше, оттуда, где вы сейчас находитесь (из Москвы — МЗ). Вот так говорят. Если приказ отдан — то вы уже сами понимаете.

28 марта ингушский телеграм-канал «Фортанга-ORG» сообщил об отставке 50-летнего главы МВД Ингушетии Дмитрия Кавы. «По неподтвержденным данным, министр внутренних дел Ингушетии Дмитрий Кава ушел в отпуск с последующим переходом на другую должность. Исполнять обязанности министра назначен заместитель министра ВД по Ингушетии Юрий Муравьев», — написал телеграм-канал.
Позже источники «Коммерсанта», близкие к МВД, сообщили, что глава МВД Ингушетии ушел в отпуск и, возможно, не вернется из него. «Уже дана команда готовить документы для его увольнения или перевода»,— утверждает источник «Коммерсанта» в силовых структурах.

> Также собеседники газеты подтвердили, что временно исполняющим обязанности министра стал Юрий Муравьев, который сейчас возглавляет следственное управление МВД республики.
> Как отмечал «Коммерсант», источники, близкие к правоохранительным органам, считают, что ингушские полицейские «помешали законному наведению порядка»: «В республике живет всего 500 тысяч человек. Многие местные полицейские просто вступались за своих родственников. А когда острая фаза миновала, просто исчезли с места событий».

Мы за все это время — в 2018 году первый митинг тут был — старались по мере возможности с красивой стороны с красивой речью все это предотвратить, чтобы и со стороны сотрудников правоохранительных органов, и со стороны гражданских лиц не было никаких потерь. Люди должны понимать — и приезжие сотрудники, те, кто отдают команды на разгон с применением силы — что среди этих митингующих у нас есть родственники, у нас родственные связи очень близкие. Это вообще не та ситуация, которая происходит на митингах в Москве и в Питере, совсем другое. Опять же, повторюсь, сотрудник правоохранительных органов по мере возможности речью даже должен минимизировать всю эту ситуацию.

Надеемся на то, что руководство Ингушетии одумается, проснется и как бы постарается исправить все это решение, все эти действия неправомерные по отношению к сотрудникам. А насчет этих ребят я что

могу сказать... Смотрите, вас уволили просто ни за что. Вы же тоже будете судиться, [если вас уволят], постараетесь обратно выйти на работу? Вот точно такая же позиция и у них сейчас. У них очень плохое настроение, вот так вот.

Подчеркните то, что когда все это началось, когда стало очень горячим, наоборот, наши сотрудники потом только подбежали, начали их вытаскивать оттуда. До этого они не вмешивались туда.
Они подчинялись приказу, но когда началось все это, начали вытаскивать сотрудников, попытались минимизировать.

Или вам нужно оставить человека, который кровью истекает, или разгонять митингующих. Я думаю, вполне разумно вытащить человека сначала оттуда. Вот эта ситуация. Кстати, наши сотрудники тоже немало получили — и стулья, и трубами, и всем, что угодно. Но несмотря на это, вытащили все-таки.

Если у них спросить, получается так, что самовольно как бы начали действовать. [Но] пока человек сам не окажется в такой ситуации, даже рядом, пока он не будет стоять и видеть это все, он все, что угодно, будет говорить.

Мы уже трое-четверо суток тут не спим нормально. Находимся в казарменном положении.